

Воспоминания о великих людях так же полезны,
как и их присутствие

Луций Анней Сенека

Давайте память воздадим всем жившим здесь когда-то,
И наши слезы посвятим ушедшим без возврата.
Был краток их нелегкий век, что натрудил им руки,
А как печалимся давно мы в горестной разлуке!

Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина (Авиценна)

НАПУТСТВИЕ МУДРОГО НИКОЛАЯ АМОСОВА

И. М. ТРАХТЕНБЕРГ

И. М. Трахтенберг, член-корреспондент Национальной академии наук и академик Национальной академии медицинских наук Украины, доктор медицинских наук, профессор

Каким он был

Тот, кто из нас в этом знаменательном году будет перечитывать публикации Николая Михайловича Амосова — его книги, статьи, публицистические очерки и эссе, дневниковые и мемуарные записки, тексты интервью на страницах журналов и газет, вряд ли еще раз не восхитится их глубокой и разносторонней содержательностью, самобытностью, полемической тональностью, остротой. Это научно-социальное, художественное философское, научно-популярное и биографическое наследие нашего соотечественника и современника — свидетельство масштаба его неповторимой личности.

Стремглав проносятся дни, месяцы, годы... И вот уже прошло более десяти лет, как ушел от нас Николай Михайлович, а кажется все, что связано с его жизнью, деятельностью, врачеванием, научными

изысканиями, встречами и общением, было только вчера. Приближается нынешний декабрь, знаменующий юбилейную дату Амосова — 100-летие со дня его рождения. За последние годы о Николае Михайловиче написано и издано ряд книг, напечатано немало статей, снято несколько документальных кинолент. В публицистические очерки и воспоминания, опубликованные о нем, внес свой скромный вклад и Ваш покорный слуга, который все эти годы, как и другие друзья, последователи, коллеги Николая Михайловича трепетно сохранял и чтит его светлую память. А в публикациях повествовал о том, как его жизнь была предельно заполнена блистательной врачебной, научной и писательской деятельностью, пронизана неординарным творчеством и стремлением постичь смысл бытия, поиском совершенствования

современного человека и нынешнего общества. Поэтому в который раз хочется напомнить всем нам — его современникам и тем, кто не знал его в полной мере, особенно молодому и будущему поколению, рассказать, каким он был — наш незабвенный Николай Михайлович.

Несколько слов, доверительных и субъективных, о том облике, в котором он виделся большинству окружающих. На многих из тех, кто близко его не знал, он по своему внешнему виду и манерам в общении производил впечатление человека жестковатого, обладающего склонностью к скептической тональности-резкости и категоричности. И только потом, присмотревшись и пообвыкнув, встречавшиеся с ним замечали пронзительный, иногда чуть ироничный взгляд, в котором настороженность сменялась любопытством. Нельзя было не заметить и строгую сосредоточенность во взгляде, свидетельствующую о постоянной напряженности мысли. И еще привлекал внимание его глуховатый тембр голоса, выразительность интонаций, характерное, чуть заметное оканье — приметы уроженцев северных краев. Могу удостоверить, что восприятие Николая Михайловича как человека по своему характеру весьма суховатого, основанное на отрывочных и поверхностных впечатлениях, было ошибочным. На самом же деле при всей своей врожденной сдержанности, немногословности, преобладании особой требовательности и критического настроя Николай Михайлович был личностью душевной, неравнодушной и сопереживающей.

Еще раз, вспоминая его голос, улыбку, пожатие небольшой руки, твердость характера и воли, заключенные в хрупкой, на первый взгляд, амосовской ипостаси, вдруг осознаешь, что, казалось бы, долгая жизнь, отведенная Николаю Михайловичу, пролетела, словно одно мгновение. Это не некая красивая фраза: Амосов не устал от напряженнейшего бытия, хотя в новом веке не раз говорил, что старение, увы, необратимо. До последнего дня его страстно интересовали мир, медицина, политика, философия, литература.

На старинной киевской Фундуклеевской улице (затем улица Ленина, а ныне — Богдана Хмельницкого), в угловом, ничем не примечательном доме на пере-

*Николай Амосов. Рисунок с натуры
Народного художника Украины Сергея
Подервянского,
1958 год*

сечении с улицей Ивана Франко на втором этаже находилась амосовская квартира с длинным коридором, ведущим в гостиную, а через нее — в узковатый кабинет с полками, уставленными множеством книг, и приземистым столиком с компьютером в центре. За ним в последние годы долгими вдохновенными часами работал Николай Михайлович, сидя в старом деревянном кресле, которое сам же не раз чинил — по давней привычке любил мастерить. А в другом кресле, расположенном рядом, сживали разные собеседники, очередные гости столь почитаемого дома. Впрочем, надо заметить, что определение «очередные» отнюдь не означает, что большинство из них навещалось постоянно. Отбор хозяйина дома, разумеется, был в меру строг и избирателен. Кроме коллег и учеников наиболее часто бывали близкие Николаю Михайловичу люди, среди которых нельзя не вспомнить хирургов Алексея Федоровского и Василия Братуся, писателя Юрия Дольд-Михайлика, авиаконструктора Олега Антонова, литератора Григория Кипниса, врача-публициста Юрия Виленского, многолетних сотрудников по институту — Якова Бендета и Юрия Мохнюка.

Смотрю на осиротевший кабинет и думаю: «Бог ты мой, сколько здесь в последнее время, когда мой почитаемый старший друг особенно дорожил дружеским общением, было нами переговорено. Переговорено в долгих беседах на самые разные темы, нас волновавшие...».

«Прекрасное это занятие — общение», — любил он повторять.

Здесь уместно заметить, что, будучи в общении человеком сдержанным, Амосов, тем не менее, был склонен к эмоциональным «всплескам». При этом часто отнюдь не к негативным (что в определенных обстоятельствах было ему свойственно), а к положительным и весьма непосредственным, даже восторженным. Помню его и Лидию Васильевну у нас в доме, приглашенных в связи с приездом из Мюнхена земляка хирурга-уролога Бориса Гехмана. Гость прочитал в тот вечер только что написанный им рассказ о портрете женщины в черном, изображенной на полотне неизвестного мастера. С интересом прослушав рассказ, Николай Михайлович вопрошал автора: «Как Вам удалось, Борис, написать такую камерную вещь?». И в подобном обращении явственно улавливалось не просто одобрение, но и радость открытия.

А ранее, встретив впервые у нас же в доме известного правоведа Федора Бурчака и проведя с ним довольно оживленную дискуссию, Николай Михайлович высказался с присущим ему лаконизмом, но весьма эмоционально: «Удивительно образованная и интеллектуальная личность». Большое впечатление произвело на него знакомство с видным художником и сценографом Даниилом Лидером, о чем после встречи он поделился со мной такими словами: «Человек — единственный в своем роде. К тому же мыслитель».

А как проникновенно написал Николай Михайлович о Владимире Фролькисе в своих воспоминаниях о нашем общем друге! Приведу только два его высказывания: «Так он и умер: почти на ораторской трибуне. Не обойтись доктору без анализа смерти — привычка. (Как будто не все равно тому пророку, что пропускает душу в рай.) Не удержусь и я. 1 октября 1999 г. в Оперном театре был I съезд медработников Украины. Полный зал. Называлось мероприятие «Пульс Украины». Начальство в президиуме слушает. Главный оратор от академии — Фролькис. Затея — показушная, но какая была речь! А наутро — сердечный приступ и — смерть. Не сомневаюсь — речь повлияла. И даже по противной докторской привычке прикидываю: «Если бы массаж сердца, искусственное дыхание... Не должен был умереть». Не было у Володи

фатального поражения сердца». И в другом месте: «Я только чувствовал, что за оболочкой бодрости и выдержки прячется страдающая поэтическая душа человека, потерявшего любимую жену, оставшегося в одиночестве... Это — все. Прости, Володя, что не смог написать лучше. Не хватает таланта». Привожу эти строки и слышу неповторимые и глубоко эмоциональные амосовские интонации. Даже из тех, с кем он близко общался, многие ли знали его таким? Не говоря уж о тех, кто его близко не знал.

Памятные диалоги

Увеличивающаяся историческая перспектива делает все более очевидным, что Николай Амосов — тот редкий сегодня феномен ученого и общественного деятеля, чьи суждения стали интеллектуальным достоянием не только настоящего времени, но и духовным даром, явственно нацеленным в грядущие годы. Поэтому в своем повествовании-раздумье, эмоциональной саге о незабвенном Человеке мне хотелось бы начать с наиболее запомнившихся диалогов, в которых, отрешившись от суеты обыденных дней, мы говорили о минувшем времени, сложных перипетиях настоящего и, увы, не очень ясных перспективах грядущего. Сегодня эти диалоги вспоминаются как напутствия мудрого Николая Амосова, поучительные уроки и опыт гражданского созидания, профессионального и общественного долга, продуктивного творчества.

Здесь позволю себе небольшое отступление. Одна из пьес Сэмюэля Беккета — известного ирландского драматурга и писателя — попала в Книгу рекордов Гиннеса как самая короткая в мире пьеса, которая продолжается всего тридцать пять секунд. И называется она «Вздых». В концепции Беккета это и есть человеческая жизнь. Вспышка, вскрик и — молчание. В сущности, этому напоминанию и посвящено все творчество писателя, удостоенного Нобелевской премии. «Человеческая жизнь как вздох» — как хочется воспротивиться подобной несправедливости. Но — безуспешно! Недаром Беккет сетует на человеческое бессилие. Все его творчество — это еще и жалоба человека на Бога, и нежелание самого человека принять несправедливость мироустройства. Да, печальные раздумья

посещают нас во второй половине жизни. Как часто мы обсуждали эту проблему с Николаем Михайловичем! И оба были единомышленники: трудно смириться с сознанием того, что миг, называемый жизнью, в конечном счете оказывается на исходе. Тем более следует стремиться еще многое успеть сделать, незавершенное свершить. Были единомышленники и в том, что «на исходе» спасение — в работе. Вспоминали стихотворные строки прекрасного поэта Юрия Левитанского:

*Когда земля уже качнулась,
Уже разверзлась подо мной,
И я почувал холод бездны,
Тот безнадежно ледяной,
Я как заклятье и молитву
Твердил сто раз в течение дня:
Спаси меня, моя работа,
Спаси меня, спаси меня.*

Как одно из философских, а может быть, и просто житейских напутствий, проверенных годами, созвучных сказанному выше, воспринимается суждение, не раз обсуждавшееся в наших диалогах, о том, что пока жив человек творческого труда, пока не иссякли духовная энергия, устремление к поискам, новым свершениям и новым надеждам, он должен творить и созидать. При этом ценить каждый новый день как маленькую жизнь, радоваться повседневным делам, заботам, встречам, общению, сознанию того, что еще предстоит сделать, а затем и самому содеянному. Помню, как долго мы с Николаем Михайловичем однажды обсуждали вопрос о том, что, может быть, ближайшие десятилетия в новом веке окажутся желанной эпохой, когда, наконец, исчезнут одолевавшие нас ранее сомнения и откроется человечеству, что для него самое важное! Но могут ли действительно исчезнуть сомнения, одолевавшие нас ранее, если их не удалось развеять за столько прошедших лет?..

Хотелось бы вспомнить, что раздумьям Николая Михайловича, которыми он делился, были близки мысли упомянутого выше нашего общего друга, блистательного ученого, физиолога и геронтолога Владимира Фролькиса о том, что нам всем, как воздух, нужна сейчас правда, а не «возвышающий обман». И если трансформировать эту непреложную истину как веление времени, обращенное к медицине и медико-биологическим наукам, то сегодня общество и государство

не может не поддержать врачей, а также современных исследователей, занятых научным поиском в естествознании: «Мы вступаем в новое столетие. Будут созданы вещества прицельного действия, будут созданы клонированием искусственные органы собственно человека, процветать генная и геномрегуляторная теории. Во всех странах происходит гуманизация науки. Средств мало, тем более надо концентрироваться на приоритетах. В нашей стране таким приоритетом должна быть медицина и биология».

Творческое наследие

Без ложной риторики все амосовские труды можно рассматривать как итог многолетнего врачебного раздумья, как социологические и философские научные и публицистические трактаты, в центре которых — его представления о здоровье и болезнях.

В своих публикациях Николай Михайлович рассматривает сложившиеся у него «некоторые убеждения» в рамках последующих рубрик — «Модели», «Разум», «Сознание», «Идеология». Последняя, как полагает Амосов, составляет основу общественного разума и «является предметом творчества как вещи, но всегда имеет под собой биологическую базу. Авторы идеологий выбирают точку на шкалах, опирающихся на противоречивые биологические потребности и крайние чувства, их выражающие, формулируют идею словами, распространяют ее среди граждан, таким образом формируя их убеждения». А затем он перечисляет основные, с его точки зрения, шкалы для компромиссного выбора координат идеологии, к которым относит следующие категории: а) свобода или равенство; б) материальное или духовное; в) труд — развлечения; г) общественное — личное (или эгоизм — альтруизм); д) терпимость — непримиримость; е) настоящее — будущее; ж) Бог — материя или вера — знания; з) ценности — общечеловеческие или групповые (нация, религия, класс, идеология).

При этом Н. Амосов подчеркивает, что оптимальность идеологии традиционно определяют сегодня «счастьем народа, устойчивостью к прогрессу». К этому добавляют еще и сохранение природы. Далее он излагает свое понимание вопроса о Материальности Идеи (пишу, как

у автора, эти слова с заглавных букв). «Мы так привыкли,— читаем в этом разделе,— что есть вещи и есть идеи, одни постоянные, реальные, другие — нечто эфемерное, призрачное: сегодня есть, завтра нет. Так вот: эти представления неверны. Идеи, выраженные словами, если они запечатлены в нейронах мозга большого количества людей, напечатаны во множестве книг, становятся столь же реальными, как и вещи, как объекты природы. Потому что они управляют реальными действиями масс людей, меняют ход истории куда больше, чем землетрясения или наводнения. Идеи — это гены общества». Интересно и образно? Несомненно. Здесь есть над чем поразмышлять, есть простор для последующих ассоциаций, сравнений, уточнений. Словно предвосхищая читательские раздумья, Н. Амосов продолжает развивать высказанную мысль: «Другое дело, что идеи менее стойки в историческом времени, чем гены. Есть у них специфическое качество: распространяются только те идеи, которые созвучны некоторым из гаммы противоречивых биологических потребностей. Более того, сама способность идеи к распространению подчеркивает степень значимости для людей той потребности, на которую она опирается».

Здесь самое время перейти к амосовскому освещению в своих трудах концепции здоровья как «резервных мощностей» клеток, органов, целого организма — предмету раздела «Количество здоровья». Автор обращает внимание на то, что в нынешнем понимании здоровье — это чисто качественное понятие «нормы», которая определяется на основе статистики. Но ведь следует оценивать и то, что происходит, если нормальные условия изменяются и тем самым возникает реальная угроза болезни. Поэтому о человеке нужно знать именно количество здоровья. Измеряя его, можно оценить: много здоровья — меньшая вероятность развития болезни, мало здоровья — налицо преддверие. К сожалению, подобные оценки практически не проводятся. Не в первый раз Амосов настойчиво обращает внимание на то, что у нас под медициной понимают преимущественно лечение болезней. Между тем, если не только риторически провозглашать главенство профилактического направления

медицины, а заняться здоровьем здоровых, то это и будет самым эффективным предупреждением болезней.

Говоря о явном дефиците действенных профилактических мер, Николай Михайлович как-то в разговоре на эту тему заметил, что забвение принципов предупредительной медицины, вероятно, во многом обусловлено незнанием нынешними медиками давних уроков истории медицины. Он вспомнил в связи с этим имя венгерского врача Ференце Керестури, который еще более трех столетий тому назад, преподавая в Московском Университете, обратил внимание на значимость профилактики, которую может обеспечить лишь система общественного здравоохранения. Интересно, что спустя почти два десятка лет после того, как я и мои коллеги узнали от Николая Михайловича об этом приверженце предупредительной медицины (а ведь он жил еще в пресловутом средневековье), появился роман современного автора, где о Ф. Керестури и его взглядах было рассказано особо. Помнится, Николай Михайлович в тогдашнем разговоре отметил, что передовые врачи своего времени и тогда, и в последующие годы не только разделяли взгляды на значимость профилактики, но и призывали бороться с «нездоровым и гнилым воздухом», «нездоровой пищей», «нездоровыми жилищными условиями», болезнями на производстве. Промышленные предприятия, как они утверждали, необходимо строить за чертой города. Следовало также установить контроль над тем, чтобы населению продавались свежие продукты, контролировать качество изготовления кухонной посуды, особое внимание уделять питьевой воде, изготовлению и продаже вина и напитков. И еще постоянно проявлять заботу о жилищах граждан, «ликвидировать низкие и сырые жилища, строить дома с учетом всех санитарных требований». Это цитаты из упомянутого выше сочинения, в котором далее читаем: «Сила государства в численном росте населения, поэтому государство должно заботиться о сохранении здоровья населения. Все эти идеи витали в воздухе двести лет назад. И что, далеко мы продвинулись? Откройте любую газету — и вы прочтаете кучу статей о том, что ни одна из этих задач не решена даже в первом приближении.

Продуктами из наших магазинов легко можно отравиться... Нашим воздухом нельзя дышать. Нашу воду нельзя пить. Наши дети могут полноценно заниматься физкультурой и спортом, только если их родители в состоянии за это платить. Рождаемость падает». Уверен, что приведенные в этом художественном произведении авторские утверждения были бы с интересом восприняты Николаем Михайловичем.

Чтобы каждый из нас осознал решающую значимость общественной профилактики и при этом сам занимался индивидуальной профилактикой, повседневно воплощая ее в жизнь, нужна немалая сила воли. Сошлюсь на видного отечественного педагога Ушинского, который в свое время писал о том, что «воля наша, как и наши мускулы, крепнет от постоянно усиливающейся деятельности. Не давая им упражнения, вы непременно будете иметь слабые мускулы и слабую волю». Опыт Амосова, обобщенный в книге, о которой идет речь, — подтверждение справедливости такого утверждения. Труд ученого, — и в этом особенность этой публикации — побуждает не только к раздумью, но и вызывает чувство сопричастности с позицией автора. Сочетание в ней научных положений с повседневными наблюдениями и фактами, общественных взглядов с личностными, категоричных суждений с сомнениями — все это, несомненно, способствовало эмоциональной окраске читательского восприятия. Замечу, что в еще большей мере это эмоциональное восприятие проявлялось у читателей при знакомстве с амосовскими мемуарными очерками и книгами, о чем еще будет сказано особо.

«Ничто так не старит, как готовность стареть»

Эти слова, сказанные Николаем Михайловичем, были вынесены на обложку его книги «Преодоление старости». Сам автор содержанием своего труда, эксперимента, о котором повествуется в книге, а главное собственным примером повседневного профессионального творчества такую готовность решительно опроверг.

Подробному рассмотрению идеи эксперимента, не имевшего аналога в прошлом, изложение методики его проведе-

ния и полученных результатов, в книге предшествовало краткое изложение главных гипотез механизмов старения. Отмечалось наличие общей тенденции: по мере процесса старения происходит постепенное ослабление всех функций и ухудшение реакций на внешние раздражители и регуляторные воздействия. Предположение самого Н. Амосова об универсальных механизмах старения было основано на известной гипотезе генетической запрограммированности старости, хотя, вероятно, запрограммированность отдельных этапов процесса во времени и не является жесткой. Окажется ли это предположение оправданным, как писал автор, покажет последующий научный поиск. Но очевидна сама логика и убедительный биологический смысл аргументации его суждений. Ведь действительно, при старении существенно снижается уровень дееспособности человека. Исчерпалось многое из предшествующей программы, уменьшилась от этого «сумма мотивов», снизилась функция. А раз снизилась функция, уменьшилась тренировка, возросло утомление. В итоге — новое снижение функции. Тупик — *circulus vitiosus!* Вывод Н. Амосова: уменьшение дееспособности при старении само себя ускоряет. Отсюда и упомянутая уже выше основная задача предпринимаемого эксперимента — разрушить эти порочные связи, разорвать замкнутый круг. Как же оценивал сам автор ближайшие результаты эксперимента, с начала которого тогда прошло три года? Если коротко, то достигнутый эффект позволил ему утверждать: омоложение возможно. Об этом свидетельствовали как субъективные, так и объективные данные. Налицо, как констатировал экспериментатор, определенный прогресс. Правда, в двигательной сфере он оказался и не столь заметным, а выявленное при очередной проверке некоторое расширение сердца потребовало коррективов в режиме нагрузок. Бег был заменен дозированной ходьбой. Указанные данные Амосов оценивал в качестве предварительных, поскольку эксперимент еще продолжался.

Ограниченные рамки публикации, к сожалению, не позволяют мне, хотя бы фрагментарно, остановиться на содержании других разделов. Поэтому ограничусь лишь ссылками на их названия,

чтобы читатель был осведомлен и о других рассмотренных в книге аспектах. Кроме тех разделов, о содержании которых уже шла речь выше, это разделы, наименования которых «Медицина на перепутье», «Модель истины», «Человек и зверь», «Резервы здоровья клетки», «Модель нормы и патологии», «Система питания», «Система терморегуляции», «Система напряжения», «Физические упражнения». А еще «Что такое болезнь», «Болезни сердца и сосудов», «Чем кончается лечение», «Кризис системы — кризис медицины». И, конечно, раздел об искусстве хирурга и оперативных вмешательствах — «Чем занимается хирург?».

Главная идея Амосова, которую он четко проводит через всю книгу, казалось бы, предельно проста: нужны разумные самоограничения и достаточно интенсивные физические нагрузки, которым, увы, «...мешает другая особенность психики, доставшаяся человеку от животного, — то, что мы называем ленью. Природа экономит энергию и без необходимости напрягать мышцы не требует. Правда, человек может противостоять лени, но это удастся не всем». Добавлю от себя с большой долей сожаления — даже и коллегам-медикам. Примечательно, что в одном из социологических опросов, результаты которого были опубликованы, медицинские работники оказались среди тех профессий, представители которых в наименьшей степени следуют врачебным рекомендациям, в том числе, относящимся к организации физиологически рационального, диктуемого требованиями гигиены, образа жизни. Печально, но факт...

Доверительное в мемуарах

В свое время Александр Твардовский ратовал за развитие мемуарно-очеркового жанра, который бы «фиксировал» то, что было или есть на самом деле, а не в наших представлениях, декретированных «свыше». Этому принципу в полной мере отвечают мемуарные повествования Николая Михайловича и в частности его исповедальная книга «Голоса времен», вышедшая в трех изданиях. Во всех этих амосовских повествованиях рассказывается исключительно о тех событиях, которые были «на самом деле», и отражаются его представления, часто разительно отличающи-

еся от общепринятых. Написанное им рождает интерес к событиям и людям, побуждает к сопереживанию. Он пишет в «Голосах времен»: «Уже позднее сформировался другой внутренний закон: уважение к чувствам других людей. Сопереживание». Может быть, именно это его качество особенно импонирует читателю.

Говоря о воспоминаниях как о жанре, Илья Эренбург выразил мнение, что их следует рассматривать как желание через прошлое осмыслить настоящее, причем «только то в прошлом интересно и заслуживает внимания, что волнует общество и сегодня». В мемуарах Амосова затронуто многое, что будет волновать общество и в будущем.

Все, что изложено в составляющих книгу очерках («Родня, мама», «Детство, отрочество, юность», «Архангельск, 1932–1939 гг.», «Война», «Москва — Брянск», «Киев»), читается на одном дыхании, воспринимается с чувством если не причастности, то, во всяком случае, присутствия. События, факты, раздумья, повествование об успехах, удачах и неудачах, радостях и огорчениях, увлеченности и сомнениях не оставляют читателя равнодушным.

Особая страница амосовских воспоминаний — память об участии в Великой Отечественной войне, о ратном подвиге ее солдат, о тяжелейших жертвах. Амосов верен себе: излагает свои воспоминания и мысли скупно, избегая подробностей и деталей. Может быть, именно поэтому его заметки о войне не могут не впечатлять читателя, приобретая еще большее общественное звучание: «За войну я стал опытным хирургом, мог оперировать в любой части тела. Особенно преуспел в лечении ранений груди, суставов и переломов бедра. У меня сохранились записи и отчеты за всю войну. По свежей памяти, еще на Дальнем Востоке, написал несколько научных работ, вторую диссертацию, а спустя тридцать лет — воспоминания «ППГ-2266»; «Раненых прошло чуть больше 40 тысяч. Почти половина — тяжелые и средней тяжести: с повреждением костей, проникающими ранениями груди, живота и черепа. Умерло свыше семисот: огромное кладбище, если могилы собрать вместе».

Здесь позволю себе посетовать, что в «Автобиографии» не упоминается

период преподавательской деятельности в Киевском медицинском институте. Хотя работа в медицинском институте продолжалась относительно короткое время — всего три года — 1953–1956 гг., думается, для будущего киевского профессора, получившего в последующем широкое признание и известность за пределами Украины, начало его деятельности именно здесь было впечатляющим и запомнившимся надолго. А складывалось все вначале совсем не просто. Появление в Киеве Николая Михайловича, тогда еще мало кому известного хирурга без докторской степени, было встречено настороженно. С трудом — на пределе — его все же избрали на ученом совете заведующим одной из хирургических кафедр. Вот как об этом вспоминал он сам: «Объявили конкурс и в сентябре с трудом выбрали на ученом совете. Не блестяще: 21 — “за”, 18 — “против”. Говорили: “Какой он профессор!”» И в другом месте: «Скоро начал делать операции на легких и пищеводе. Новые помощники никогда не видели, поражались. Доцент жаловался министру: “Запретить ему! Как можно! Человека поперек перерезывает!”»

В заключении к «Голосам времен» представлены шесть неординарных положений. Это положения о Боге, о сложностях мира, о процессе «созревания цивилизаций», о глобализации разнообразных международных связей, об однополюсном мире, о других глобальных проблемах человечества, в том числе о здоровье, науке, войнах. Ученый еще и еще раз напоминает, что проблемы здоровья решаются правильным образом жизни (с добавлением медицины), и полагает, что вымирание человечеству не грозит. В заключение он резюмирует: «Мои прогнозы оптимистичны». Но тут же в раздумье добавляет, что «едва ли они могут утешить отдельного несчастного человека. Для этого нужно искать резервы в собственной психике. Это возможно, хотя и трудно». При всем этом Николай Михайлович действительно продолжает оставаться оптимистом, о чем свидетельствует эмоциональный аккорд, завершающий книгу: «Мое счастье со мной — оно в мышлении и поиске истины... Важно искать».

Киев, ставший родным

Прежде, чем сдать очерк в редакцию, перечитал концовку и пришел к заклю-

чению, что из завершающих его доверительных заметок выпало два момента — о дневниковых записках и о высказываниях Николая Михайловича о Киеве. Признаюсь, будучи подробно ознакомлен с амосовскими книгами и публицистикой, был уверен, что мне известны все статьи Николая Михайловича, опубликованные в массовых изданиях. Но неожиданно, в одном из таких изданий (исправленном и дополненном) с почти документальным названием «Улицы Киева», рядом с очерками Б. Патона, В. Глушкова, О. Антонова, О. Гончара, Н. Ужвий, И. Кавалеридзе и других деятелей науки и культуры Украины увидел ранее не встречавшуюся мне публикацию Николая Михайловича. В ней слова признания в любви и почитания к городу, в котором он жил и работал не одно десятилетие. «Я приехал в Киев, — читаем в этом очерке, — около 30 лет тому и поэтому еще не могу считаться коренным киевлянином. Между тем, Киев стал для меня самым родным городом после моего Череповца Вологодской области, где я родился и учился. Дело в том, что именно в Киеве я смог сделать наиболее интересное и нужное для людей, а следовательно, и для себя. Тут я стал настоящим хирургом, хотя началось это еще в Брянске. В Киеве создана хорошая клиника, в которой проводится за год полторы тысячи операций на сердце. Нетрудно понять, как крепко и глубоко все это связывает меня с дорогим городом и его людьми...».

Приведенные выдержки из данной публикации семидесятых годов XX века и весь этот очерк в ряду других о нашем городе, вошедших в это издание, посвященное истории Киева, могли бы в последующем явиться эпилогом к другому, будущему изданию, в котором оправданным было бы один из фрагментов посвятивший теме «Николай Амосов и Киев».

Для многих также оказались определенной неожиданностью и киевские дневники Амосова. Эти записки объемом почти в восемьсот страниц были датированы еще шестидесятыми — семидесятыми годами XX века, одними из насыщенных заметными событиями в жизни Николая Михайловича. На страницах, исписанных характерным, достаточно четким амосовским почерком, не так уж много правок, зачеркнутых слов,

предложений, переписанных заново. Фразы короткие, определения предельно точные, суждения логичные, убедительные, часто даже категоричные, с присутствующей ему прямолинейной тональностью. Встречаются в тексте и горькие упреки в собственный адрес. В ряде мест вкраплены едкие саркастические высказывания. Сквозь текст густо заполненных страниц личность Николая Михайловича высвечивается в разных ипостасях — врача, который даже вне клиники не может отрешиться от профессиональных раздумий (анализ проведенных операций, оправдавших себя новшеств и, одновременно, ошибок и просчетов), руководителя института, ученого, создавшего отечественную школу кардиохирургии, приоритетное направление в биологии и медицине — биокибернетику. И еще в его дневниках то и дело просматривается постоянное пристрастие к писательству и заинтересованность не по обязанности, а по природной совестливости и гражданскому побуждению, общественной деятельностью. Наконец, внимательный читатель этих записей несомненно обратит внимание на те места в дневниках, что написаны в лирической тональности, разглядев в них, казалось бы, черты несвойственной автору легко ранимой личности, преданного семьянина, любящего отца. Повторюсь: обманчив жестковатый амосовский облик. Вспоминаю его горячность в эмоциональных беседах во время встреч и застолий то ли в их просторной квартире за столом, накрытым хлебосольной Лидией Васильевной, то ли в нашем доме. Читающих страницы дневников не покидает чувство удивления, сопереживания, радости от бывшего общения — каким самобытным, неповторимым человеком был Николай Михайлович! Как не хватает его сегодня...

И в заключение ...

Облик Николая Амосова как человека с присущими ему достоинствами, простыми чертами характера, увлечениями и неординарным психологическим настроем, как я уже писал ранее, всегда интересовал широкую публику. В связи с этим хочу обратить внимание на то, что в упомянутых выше мемуарных и публицистических книгах личность автора предстает отнюдь не в привычном ореоле стереотипов, присущих жизнеописанию

известных людей, и не в идеализированном образе «героя». Перед нами в предельно откровенных повествованиях проступает образ человека — одного из тех современников, что разделял с нами тяжелые годы XX века, человека, прошедшего непростой жизненный путь, подчас страдавшего, нередко сомневавшегося, но не боявшегося риска, умевшего взять всю ответственность на себя. Именно такой Николай Михайлович Амосов — врач и мыслитель, человек и ученый — завоевал своим блистательным врачебным, научным, литературным, общественным творчеством всеобщее признание и благодарную память. Жизнь Николая Михайловича была беззаветно отдана врачеванию, науке, писательству, государственной деятельности, философии. Отдана истинному служению человечеству во всех ипостасях, в которых мы воспринимаем неповторимого Амосова.

Единственный беспартийный директор института в советские времена, он всегда был народным Доктором — с большой буквы. И по делу, которое поднял для Украины. И благодаря особому кристаллу нравственности, полному неприятию меркантильности в медицине. Собственно, он являлся ее идеалом.

Не обделенный славой, он был абсолютно равнодушен к ней, умная натура от природы, Николай Михайлович был прост особой простотой настоящего интеллигента. Было ему дано, кроме хирургической старости, большое, неподдельное литературное дарование, после легендарных «Мыслей и сердца», переведенных на двадцать языков, обретавшее год от года неповторимую точность и лаконичность. Он написал о себе, о своей эпохе и о своем кредо врача, ученого, писателя...

Вчитаемся еще раз в его «Голоса времен» и «Энциклопедию Амосова». Кстати, последнее название ему не очень нравилось и было придумано не им. Однако сейчас оно воспринимается символически. Вся жизнь Амосова — правдивая энциклопедия наших дней.

Хотел бы этим свои заметки завершить в тональности эмоциональной.

«Покой мне чужд.

...Я должен

За целью ускользающего гнаться;

И лишь тогда мне наслажденье жизнь,

Когда в борьбе проходит каждый день».

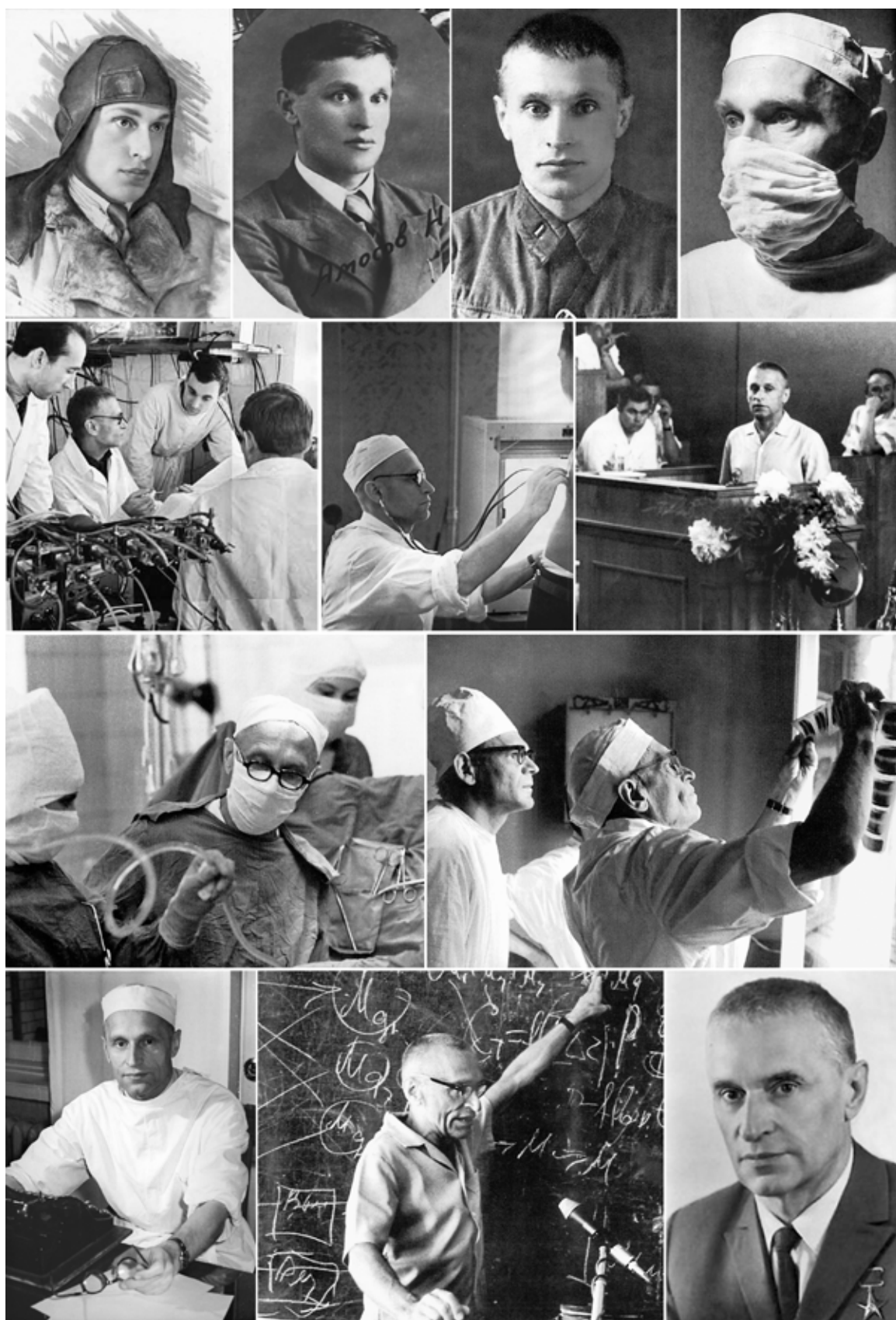
Эти слова, столь созвучные устремлениям Николая Амосова, его волевому импульсу, принадлежат знаменитому Фридриху Шиллеру, кстати, также медику в прошлом. Пример неповторимого Николая Михайловича побуждает и нас к подобным устремлениям, отрешившись от зыбкого покоя и следуя его советам.

В последний месяц Николай Михайлович признавался, что плохо себя чувствует, придя к грустному выводу: возраст — это порою и болезнь. Нет, возраст не коснулся его ума, он оставался, как и прежде, удивительно ясным и реалистичным. Но подавало какие-то признаки капитуляции сердце. Кто-то, возможно, скажет: зачем, мол, оперировался? Затем, чтобы жить и бороться. Операция, проведенная профессором Керфером, оправдала себя, как бы явившись дополнительным «вечным двигателем» для продолжения беспрецедентного эксперимента, где исследуемый и исследователь — одно лицо. И все же количество нездоровья переходило в качество... Оставался лишь не изменяющий целитель — клавиатура

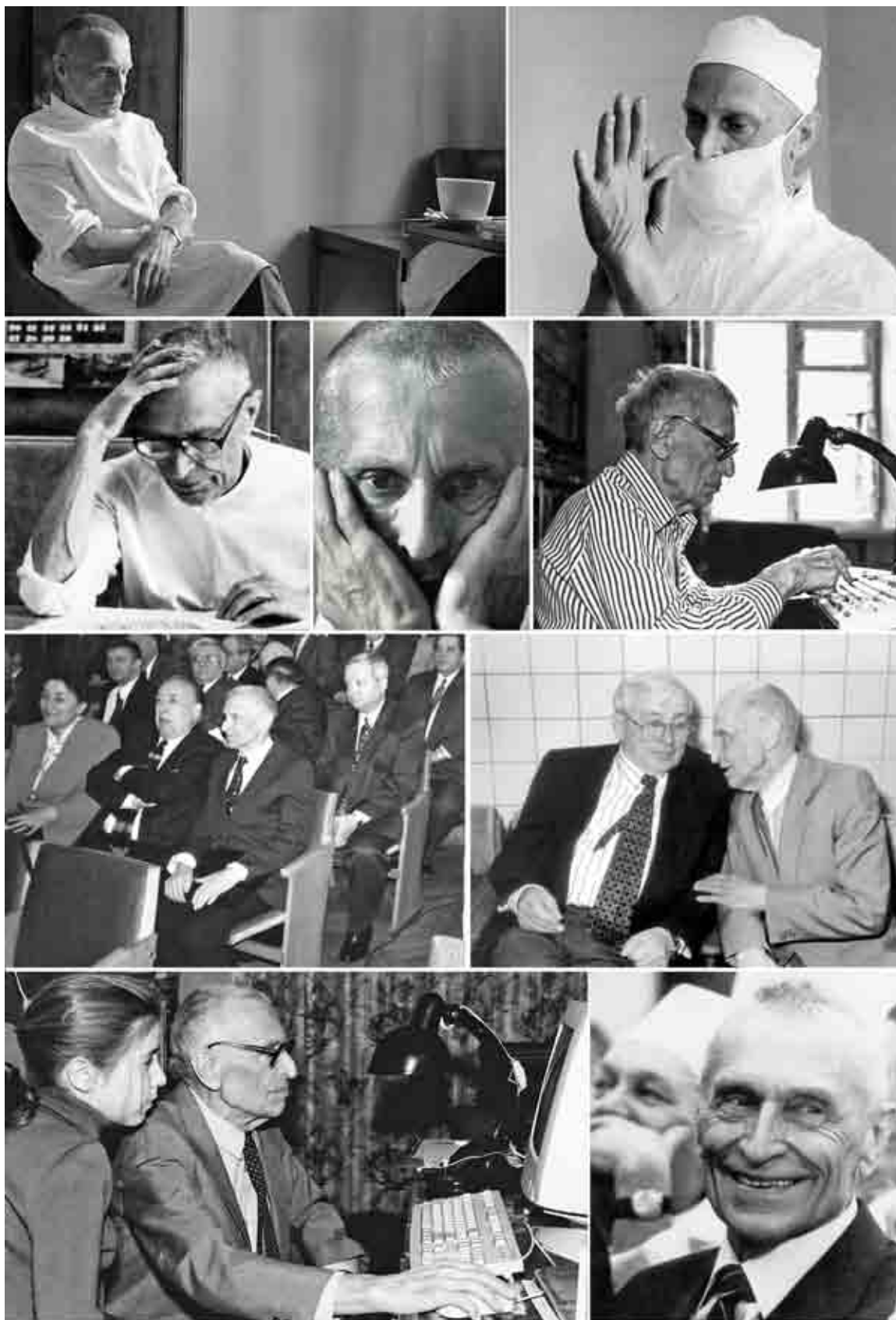
компьютера! Преодолевая атаки слабости, Николай Михайлович перерабатывал для интернета один из разделов своей «Энциклопедии» — «Мировоззрение». Он страстно мечтал увидеть эту небольшую книгу не только в интернете, но и опубликованной, еще пахнущей свежей типографской краской. И это сбылось. Нам он надписал: «Еще одно «Мировоззрение». Он и госпитализацию в кардиологическое отделение откладывал до последнего дня, потому что домой должны были принести новинку. Так дорог был ему этот последний замысел...

Мировоззрение Амосова осталось миру. В этом последнем его заголовке — целая планета мудрости, любви, действенного сострадания, сражений со смертью. Как врач, академик Амосов был, пожалуй, абсолютом, и если представить себе профессиональный и нравственный идеал медицины, он должен прозвучать так — «Врачевать Человека и Общество по Амосову».

Но есть и другой, еще более обязывающий, теперь вечный его призыв — «Жить по Амосову». Сумеем ли?

Мгновения жизни академика Николая Михайловича Амосова. Из фотохроники разных лет.

Коллаж Ю. Воронцова

Будни знаменитого ученого. Из фотохроники разных лет.

Резюме

Summary

Напутствие мудрого
Николая Амосова

I. М. Трахтенберг

Статья, а точнее, повествование-раздумье, посвящена памяти выдающегося человека, мыслителя, врача, ученого, философа, писателя Николая Михайловича Амосова. В преддверии юбилейной даты — 100-летия со дня его рождения, воспоминания об этом удивительно талантливым и трудолюбивым современнике, чья биография была наполнена яркими, порой непростыми моментами, актуальны и поучительны.

Особое значение имеет то, что автор не просто являлся другом Н. М. Амосова, а был его единомышленником и коллегой, поэтому он знакомит читателей с истинным образом жизни и деятельности великой личности. В строках его описания мы узнаем не просто известного врача-хирурга и ученого, а глубокого мыслящего и неравнодушного человека, с широким кругом общественных интересов.

Статья иллюстрирована фотографиями, относящимися к разным периодам жизни и деятельности Н. М. Амосова, сопровождается выдержками из его публикаций, выступлений, напутствий, что придает особый оттенок содержанию очерка и позволяет читателю лучше узнать и оценить его многогранную личность. Николай Михайлович предстает неординарным философом, что отражено в его научных трудах, публицистике и литературных произведениях. Его нестандартный подход к проблемам оценки здоровья, врачеванию и профилактике болезней вызывает раздумья и привлекает особый интерес коллег-медиков и широкой общественности. А напутствия академика Амосова раскрывают нам образ человека, прошедшего непростой жизненный путь, завоевавшего своими блистательными качествами и талантами всеобщее признание и благодарную память. А еще они побуждают нас наследовать его опыт, совесть, устремления как врача-гуманиста, ученого-новатора, мыслителя и общественного деятеля.

Ключевые слова: Н. М. Амосов, врач, философ, ученый, писатель, охрана здоровья, профилактика болезней.

Wise Message of
Nikolay Amosov

I. M. Trachtenberg

The article, and, more precisely, contemplator narration is dedicated to the memory of an outstanding personality, thinker, doctor, scientist, philosopher, writer Mr. Nikolay M. Amosov. As we approach the jubilee date, the 100th anniversary of his birth, memoirs of this extraordinarily talented and hard-working contemporary whose biography details is filled with bright, and sometimes anything but simple moments, are relevant and instructive.

Of particular importance is that the author was not just a friend of N. M. Amosov, but his associate and colleague, therefore he familiarizes readers with the real way of life and activity of the great personality. From the lines of his narration we discover not only the well-known surgeon and scientist, but a profound thinking and not indifferent person, with broad range of public interests.

The article presents photographs related to different periods of life and activity of N. M. Amosov, accompanied with extracts from his publications, reports, messages, that confer a specific touch to the content of the story and allows for the reader to better discover and evaluate his many-sided personality. Nikolay M. Amosov is presented as an extraordinary philosopher, as reflected in his scientific works, social and political journalism, and literary work. His unconventional approach to health status assessment issues, practice of medicine, and disease prevention gives cause for reflexion and attract special interest of medical colleagues and general public. And messages of academician N. Amosov reveal the character of a person who covered a complicated life path, who with his brilliant qualities and talents won general recognition and grateful memory. And what is more, they make us inherit his experience, his conscience, ambitions as doctor-humanist, original scientist, thinker and public figure.

Key words: N. M. Amosov, doctor, philosopher, scientist, writer, healthcare, disease prevention.

Напуття мудрого
Миколи Амосова

I. М. Трахтенберг

Стаття, а точніше, розповідь-роздум, присвячена пам'яті видатної людини, мислителя, лікаря, вченого, філософа, письменника Миколи Михайловича Амосова. Напередодні ювілейної дати — 100-річчя з дня його народження, спогади про цього напрочуд талановитого і працьовитого сучасника, чия біографія була сповнена яскравими, часом непростими моментами, актуальні і повчальні.

Особливе значення має те, що автор не просто був другом М. М. Амосова, а був його одностудцем та колегою, тому він знайомить читачів з істинним способом життя і діяльності великої особистості. У рядках його опису ми пізнаємо не лише відомого лікаря-хірурга і вченого, а глибоку мислячу і небабду-жу людину, з широким колом суспільних інтересів.

Стаття ілюстрована фотографіями, що відносяться до різних періодів життя і діяльності М. М. Амосова, супроводжується витягами з його публікацій, виступів, напутніх порад, що додає особливого відтінку змісту нарисів і дозволяє читачеві краще дізнатися та оцінити його багатогранну особистість. Микола Михайлович постає неординарним філософом, що відображено в його наукових працях, публіцистиці та літературних творах. Його нестандартний підхід до проблем оцінки здоров'я, лікування і профілактики хвороб викликає роздуми й особливий інтерес коллег-медиків та широкої громадськості. А напуття академіка Амосова розкривають нам образ людини, яка пройшла непростий життєвий шлях, завоювавши своїми блискучими якостями і талантами загальне визнання та вдячну пам'ять. А ще вони спонукають нас наслідувати його досвід, совість, устремління як лікаря-гуманіста, вченого-новатора, мислителя і громадського діяча.

Ключові слова: М. М. Амосов, лікар, філософ, учений, письменник, охорона здоров'я, профілактика хвороб.